

Великолепный литератор Чуковский

2. Чудо-дерево растет

Неужели известность Чуковского (у широкой публики) живет на какой-то текстологии?

Самых тонких и глубоких толкователей литературы, ученых мирового масштаба знает ограниченный круг.

А вот что «одеяло убежало, улетела простыня», что «нелегкая это работа - из болота тащить бегемота!» и что есть такая «быстроглазая Серна», которая «Ване и Ляле читает Жюль Верна», в моем поколении (и в последующем, и в предыдущем!) знали, кажется, все-все.

Как ни странно, популярность детского стихотворца в конце концов бросила свой свет на критику, на текстологию Чуковского. Как говорится, можно смеяться. По крайней мере те, кто читал Чуковского в мальшом возрасте, потом с воодушевлением отрывали его взрослые книги. Даже без картинок. Хотя без картинок, конечно, не то.

В раннем детстве мне подарили тряпичного кукленка мужского пола. С кружевной бородой.

Надо было придумать любимому кукленку имя. Я назвал его Бармалей.

Андрею Николаеву с борта не то «Востока-3», не то «Союза-9» пришлось во время семейного сеанса связи сообщить дочери, что Бармалеи в Африке не водятся. Космонавт пообещал смотреть внимательно, еще внимательней.

Не знаю, была дочь обрадована или разочарована.

Лучшие книги Чуковского-литературоведа написаны в 10-е, в 20-е годы. «От Чехова до наших дней» (1908), «Лица и маски» (1914), «Книга о современных писателях» (1914) и т.д. Чуковский плодотворно занимался наследием Некрасова. В 1926 году выпустил сборник «Некрасов», 2-е изд. - «Рассказы о Некрасове» (1930). Признаюсь, что дорожу именно этой книгой, а не «Мастерством Некрасова» - не слишком увлекательным трудом, опубликованным в 1952-м мрачном году и словно несущем на себе его отпечаток (через десять лет был удостоен высшей в СССР премии имени Ленина; думаю, по совокупности заслуг, или как компенсация за гонения). Есть у меня и «Полное собрание стихотворений Некрасова, редакция и примечания Чуковского», 2-е изд., 1928, с портретом Некрасова - в молодости, а не на смертном одре, как печатают по нелепой традиции.

Чуковский бывал пристрастен. Он упивался прозой Бунина, но недооценил гениальные стихи. Он написал памфлет «Лидия Чарская», сосредоточил внимание на издержках аффектированного стиля, на обилии экстраординарных ситуаций, на театральности, на языковых неуразумках. Но его вывод - автор неискренен - не разъясняет, каким образом Чарской, при ее вопиющих недостатках, удалось пленить столько сердец.

Некоторые его оценки уже пересмотрены временем.

Как и почему критик стал писать стихотворные сказочки? Чуковский рассказал про это в предисловии к книжке в серии «Библиотека советской поэзии» (1961): «Собранные здесь стихи написаны мною нечаянно (...) Своей единственной профессией я считал литературную критику. Эту профессию я страстно любил. Статьи свои писал с увлечением, с безоглядной искренностью». Его критическую книжку «Матерям о детских журналах» прочел Горький. При встрече с Чуковским

Горький заметил, что одна хорошая детская книжка делает больше добра, чем ворох критических статей. Горький предложил критику самому взяться за перо и сочинить сказку, длинную, вроде «Конька-Горбунка». Из современного быта. (Замечу в скобках, что путь в детскую литературу переплелся с Горьким и у Саши Черного.)

Как ни старался Чуковский, сказка не выходила. Читаем: «Но случилось так, что мой маленький сын заболел (...) Я вез его домой в ночном поезде, он капризничал, плакал, стонал. Чтобы как-нибудь утихомирить его боль, я стал рассказывать ему под ритмический грохот бегущего поезда: «Жил да был Крокодил. Он по улицам ходил...»

Вот как все случилось. В таком Факте (напишу с большой буквы) видно, что сделало сердитого критика сказочником: стремление утихомирить боль ребенка. Сострадание - источник чудесных подвигов и поэзии. Рожденные из сострадания сказки учат сочувствию малышей. Ведь задача сказочников, по Чуковскому, «заключается в том, чтобы какой угодно ценою воспитать в ребенке человечность - эту дивную способность человека волноваться чужими несчастьями, радоваться радостям другого, переживать чужую судьбу, как свою».

И здесь еще один великий пример Чуковского - всем, в том числе нам с вами. Даже если эта история упрощена, чтоб сделать

между прочим, Чуковский отлично знал, что сострадание есть также форма самоутверждения человека (по отдельности «божественное» и «дьявольское», добро и зло существуют только в воображении церковных прихожан и плоских моралистов). Он записал в дневнике беспощадные слова, и пусть читатель сам решит, в какой степени справедливы: «Читаю Бунина «Освобождение Толстого». Один злой человек, догадавшийся, что доброта высшее благо, пишет о другом злом человеке, безумно жаждшем источник из себя доброту. Толстой был до помрачения вспыльчив, честолюбив, заносчив, Бунин - завистлив, обидчив, злопамятен». Чуковский постоянно размышлял о противоречиях творчества и творца: «Горький был слабохарактерен, легко поддавался чужим влияниям. У Чехова был железный характер, несокрушимая воля. Не потому ли Горький воспевал сильных, волевых, могучих людей, а Чехов - слабых, беспомощных?»

Самый неожиданный портрет Чуковского дан в новой книге Бенедикта Сарнова «Перестаньте удивляться! Непридуманные истории». Приятель Сарнова Лев Наврозов повез сына в Переделкино на детский праздник, устроенный Чуковским. Наврозов видел Чуковского первый раз в жизни и сказал: «Он похож на Муссолини». Сарнов был изумлен: «Лева объяснил: представьте... Стоит Чуковский, а мимо проходят дети. Он выбрасывает вперед руку и выкрикивает: «Уточки закричали!» И марширующие дети - хором: «Кря! Кря! Кря!» Сарнов добавляет: «Импровизируя этот шутовской парад, Корней Иванович, вероятно, и думать не думал ни про какого Муссолини. (Так же как, сочиняя в 1921 году про рыжего и усатого таракана, - «покорились звери усатому, чтоб ему провалиться, проклятому», - он, конечно, и думать не думал про неведомого ему тогда Сталина). Было ли в Чуковском что-то диктаторское?»

Мы живем в мире, где правит бал TV. Мылом «Рабыни Изауры»

помылись миллионы, десятки миллионов. В Молдавии прошла всеобщая забастовка, когда власти прикрыли российский канал имени «Санта-Барбары». Говорят, хитроумный (не найду другого слова) Мавроди прикармливал лишние 200 миллиардов, показав в рекламном ролике «МММ» Викторию Руффо, она же «просто Мария». Политический телетеатр Госдумы затмил Мейерхольда и Романа Виктюка.

Чуковский принадлежал к генерации, для которой телевидение еще не стало ежедневной привычкой. Вот он попал в больницу. Записывает: «Позор и ужас. Обнаружился сосед, который обожает телевизор. Из-за стены слышен несмолкаемый лай. Прекратится он только в 12 часов. Если бы мне хоть намеревались, что возможно соседство с таким дикарем, я предпочел бы умереть у себя на диване».

Он был чрезвычайно, а бы сказал, чрезмерно, требователен к человечеству. Даже к слабому полу. В той же больнице встретился с дамой, которую счел «замечательной личностью». Финансовый ревизор. Живой, деятельный, скептический ум. Все Чуковскому по душе. «Но... она даже не предполагает, что в России были Мандельштам, Заболоцкий, Гумилев, Замiatин, Сомов, Борис Григорьев, в ее жизни пастернаковское «Рождество» не было событием, она не подозревала, что «Мастер и Маргарита» и «Театральный роман» - наша национальная гордость». И т.п.

Он, оказывается, «давно подозревал, что такие люди существуют» (!). Винит газеты, радио, TV: люди обольщены, «правительство упорно скрывает от населения» лучшие произведения классики, особенно XX века: «И массажи, и сестры в разговоре цитируют самые вульгарные песни, и никто не знает Пушкина, Бортнянского, Жуковского, Фета - никто».

Женщины за больничной трапезой вызывают у него горечь: «Говорят мелко-бабье: полезны ли кефир, как лучше изжарить карпа, кому идет голубое, а кому зеленое - ни одной общей мысли, ни одного человеческого слова. Ежедневно читают газеты, интересуюсь гл. образом прогнозами погоды и программами теле и кино».

И это не старческое брюзжание, распространенное на массажисток. В 1924 году (сорок пять лет назад) он не менее страстно заклеймил 24-летнюю жену профессора из Луги, свою соседку по Сестрорецкому курорту: «поражает меня своим феноменальным невежеством (...) Я процитировал ей Пушкина: «Есть на свете город Луга...» - Да, да, я знаю эти стихи, я читала их в газете. Имя Макса Волошина слышит первый раз (...) Нужно еще пять поколений, чтобы вот этакая Елисавета Ивановна дошла до человеческого облика (...) курносая мешчанка в завитушках - с душою болонки и куриным умом!»

Нет, он не стал бы подпевать Вертинскому: «Разве можно от женщины требовать многого?» И, пожалуй, не подписался бы под стихом своего старшего современника Брюсова: «И я с людьми как брат, я все прощаю им...»

Только дети ему были всегда милы. Безоговорочно? Иногда он слышал от них всякие ужасности. Правнучка заявила ему: «У мальчиков и девочек не бывает правды... Когда ты умрешь?»

Его секретарь, 45-летняя Клара Лозовская, как говорят, после смерти жены, он предлагал ей замужество, исчезла, не поправившись: «Самое печальное, что Клара издавна задумала свой побег, а мне сообщила в конце, будто это только что произошло ей в

голову». (Ныне Лозовская живет в Израиле.)

Он шутил, что не боится политических перемен: если возьмут верх верноподданные ретрограды, есть сын Коля (Николай Корнеевич Чуковский участвовал в клеветническом Пастернака и пушкиниста Юлиана Оксмане), если победят диссиденты - есть дочь Лида (Лидию Корнеевну Чуковскую преследовали за правозащитную деятельность).

Возможно, он бы еще пожил. Его убила медицинская сестра (из тех ли, что цитируют самые вульгарные песни?): нечистым шприцом, в котором - после предыдущего больного - жила желтуха.

Он умер 28 октября 1969 года в больнице в Кунцево.

В 1991 и 1994 годах вышли два тома его «Дневника»: с 1901-го по 1969-й. Это книга, без которой, кажется, нельзя жить. В ней истинное величие Чуковского.

Пушкин к имени Державина прирешил бирку: старик. Но «Фелицу» и «Бога» написал человек не старый. «Кому же хочется в потомство перейти в обличье старика!» - воскликнул Случевский. Молодыми в памяти потомства остаются Пушкин, Лермонтов, Блок, Маяковский, Высоцкий... Но есть два поэта, которым присвоен чин дедушек. Гениальный Иван Андреевич Крылов и Чуковский. Их можно сопоставить. Оба создали в нашей поэзии детский комический эпос. У Крылова он сохранился из басен. У Чуковского - из сказок.

Дедушка Чуковский... «Никогда я не знал, - что так радостно быть стариком, что ни день - мой мысли добрей и светлей. Возле мысли много Пушкина, здесь, на осеннем Тверском, я с прощальной жадностью долго смотрю на детей, и, усталого, старого, тешит меня бесконечная их бедотня и возня».

Таким, как в этих стихах, остается в памяти Чуковский. Он ежедневно трудился во славу русской литературы и тешился бедотней и возней детворы.

А что же в его доме-музее? Есть у Корнея Ивановича сказочка, начинающаяся очень смешно: «Как у нашего Мирона на плечи сидит ворона». Это «Чудо-дерево» (1923). На обычных деревьях растут листочки, на этом «туфельки, сапожки, новые калоши». Для детей с голыми пятками. «Ляпки созрели, валенки поспели. Что же вы зевааете, их не обрываете?»

Чудо-дерево как-то само собой стало эмблемой музея. Стоит оно на столе в кабинете, подаренное учениками школы № 609: на ветках сорок пар обуви. Сделали с любовью к Чуковскому.

И - клен перед домом увешан туфельками. Уже сложился обычай: посетители снимают обувь, вешают на ветки... А домой идут босиком?

Там, где гости были желанными далеко не всегда, не переводится народ. По словам заведующей Льва Шилова, ежедневно - кроме вторника и среды - бывает до ста человек. Дети приезжают на автобусах целыми классами. Билет для школьника 2 рубля, студента - 3, остальным - 5. Никаких надбавок для интуристов: дискриминация по национальному признаку считается незаконной.

Живет в музее приبلудная собака: официально - Авва, домашнему - Дуся. Гостей встречает милая Светлана Карлова. Она проходит практику экскурсовода и отвечает на вопросы о Чуковском. Есть и экскурсоводы в штате.

Я простился с музеем, сказав слова из «Краденого солнца»:

- Ну, спасибо тебе, дедушка, за солнышко!

Владимир ПРИХОДЬКО.